

Tomasz Kupś (opracowanie naukowe): Recepcja filozofii Immanuela Kanta w filozofii polskiej w początkach XIX wieku. Toruń : Wydawnictwo Naukowe UMK, 2014. Część 1. (Biblioteka „Studiów z historii filozofii”).*

Серия «Рецепция философии Иммануила Канта в польской философии начала XIX века» – результат многолетней работы торуньской группы кантоведов. В нее вошли статьи, переводы, рецензии и не публиковавшиеся ранее архивные материалы, которые имеют непосредственное отношение к истории польских исследований кантовского наследия. Четыре раздела первого тома содержат произведения различных жанров, принадлежащие Юзефу Владиславу Быховцу, княгине Анне Ядвиге Сапежиной (Замойской), Яну Снядецкому и Франтишку Вигуре. Каждый раздел предваряется комментарием редактора-составителя, воспроизводящим историко-биографический контекст.

Княгиня Анна, воспитанная в знатном доме Замойских польским просветителем Станиславом Стащицом, проявляла интерес к немецкой философии. Краткий конспект «Идеи всеобщей истории во всемирно-гражданском праве», замечает Т. Купщ, был добросовестно написан ею по польскому переводу кантовского сочинения. Вряд ли саму рукопись можно считать «подтверждением того, что политическая мысль Канта была хорошо известна и очень популярна в то время среди поляков», как это утверждает составитель (с. 98). Подобранные в книге полемические материалы позволяют, скорее, судить о том, что философия Канта находилась в центре интеллектуального противостояния. Факт неприятия немецкой идеалистической философии среди польских ученых, включая таких высокопоставленных деятелей, как Стащиц и Снядецкий, подчеркивает и сам составитель представляемого здесь тома (с. 97, 110), и автор прочитанного княгиней перевода Юзеф Быховец.

«Кант родился в 1724 г., а умер в 1804; оставался на службе истине более шестидесяти лет; оттого слывет кёнигсбергским мудрецом», – так начинается очерк Быховца (с. 29). Заканчивается же он неутешительным выводом о состоянии новейшей философии, в которой догматизм с новой силой противостоит критицизму¹. Согласно Быховцу, эти два направления философии – одно, заложенное Спинозой, другое – Кантом, – различаются направлением поиска истины. В догматизме познание движется от внешних предметов и пытается подчиняться условиям их бытия; догматику «кажется», что он собирает подлинные знания о предмете, когда строит логические выводы на основе неких произвольно принятых им принципов; соответственно, догматизм характеризуют пантеистические, аналитические и мистические философемы. Критицизм исходит из внутреннего разума и обусловлен лишь способностью человеческого познания; его метод есть разбор самой способности познания, «снизу», от ее психологического осно-

---

* Поступила в редакцию 25.05.2015 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2015-3-8

© Данилкина Н. В., 2015

¹ Дата написания очерка «Кант» не указана в публикации. Из содержания текста следует, что он был написан после 18 апреля 1811 года, когда в Кёнигсбергском соборе проходила торжественная церемония, посвященная годовщине смерти философа.

вания, до вершин разума, который признает свои границы. Выдвинутый Кантом на первый план критический метод, утверждает Быховец, с одной стороны, используется не всеми кантианцами, а с другой — может и должен быть использован не только ими. Завершая свое эссе, автор выражает надежду на новый взлет философии в будущем, подобный тому, который она пережила благодаря Иммануилу Канту.

Публикуемый в этом же издании перевод сочинения 1784 года «*Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht*»² представляет собой единственный дошедший до нас полностью прижизненный перевод Канта на польский язык. Еще во время учебы в Кёнигсбергском университете (1799—1802) Быховец перевел с немецкого три работы философа: «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане», «К вечному миру» и «Спор факультетов». В письме историку Ю.И. Крашевскому, датированном 21 марта 1843 года, он вспоминает: «Хотел проверить, сможет ли привиться философия Канта в Польше. Распорядился печатать в Крулевце только по триста экземпляров, всё разошлось, но не произвело в умах сильного впечатления, которому очень противился Ян Снядецкий, как-никак муж известный» (с. 17).

Ян Снядецкий, математик, астроном, ректор Виленского университета и один из лидеров польской науки того времени, выступал с резкой критикой кантовской философии. Немецкую философию вообще и Канта и Фихте в частности он определял как «метафизику», которая «пробудилась» в XIX веке, «заразила и начала портить польские головы в Варшаве» (из письма 1803 года Г. Коллонтаю, с. 110). Как сообщает Т. Купш, Снядецкий был выразителем довольно распространенного среди польских ученых убеждения в том, что в результате развития естествознания философские спекуляции будут полностью отделены от науки (с. 110). Тексты Снядецкого конца 1810-х годов о «метафизике» и «философии», действительно, отличаются язвительная острота критических выступлений в адрес «немецких метафизиков», и все же их автор не намерен отменять философию. Напротив, как выясняется далее (сноска 12, с. 116), критика стала этапом оформления собственных философских воззрений Снядецкого, частично представленных в «Исследовании о начале математических наук» (1781) и систематизированных в «Философии человеческого разума» (1821). Пока же в запальчивой полемике с Кантом и его последователями линия Снядецкого настолько же ясна в своем призыве, насколько туманна в осуществлении: подлинному просвещению необходима «чистая философия», дающая свое положительное знание, а не теряющаяся в вопросах и скептицизме. Спор ученого с критической философией в преддверии выхода в свет программных сочинений родоначальника позитивизма Огюста Конта представляет определенный интерес для исследователей. Вряд ли они обойдут вниманием и такую характерную особенность рецепции Канта в Польше на рубеже XVIII—XIX веков, как то, что она проходила в условиях заметного влияния английского и французского эмпиризма. Локк и Кондильяк задают здесь общий тон.

---

² В переводе Быховца: «Wyobrażenie do historii powszechnej we względzie kosmopolitycznym» (1799). Для сравнения в книге помещен репринт современного перевода Мирослава Желязного «*Idea powszechnej historii w aspekcie kosmopolitycznym*» (2011).

Слава и статус Снядецкого не помешали его оппонентам сказать свое веское слово в защиту кантовской философии и отстаивать ее права на просвещение молодежи, отнюдь не меньшие, чем у позитивных наук. Изучение теоретических положений Канта позволяет Франтишку Вигуре сделать вывод о том, что мосты, которые критический философ возводит между эмпиризмом и рационализмом, открывают новую перспективу для метафизики. Отсюда его возражение Снядецкому: «Кант первый... открыл безошибочный способ опровержения или разрушения метафизических систем. Потому теперь, прикоснувшись к этому, так сказать, пробному камню, они всегда должны показать свою более высокую или более низкую ценность, а то и совершенную ничтожность... Как близко иногда Локк, а с ним вместе Я. С. [Ян Снядецкий] приближается к трансцендентальной вершине! Пройди он вперед еще несколько шагов, ему бы открылись новые на горизонте метафизики виды. Даже сам Кондильяк, ошибочность учения которого, хвала небу, уже признает и Я. С., не раз выходил за пределы своего тесного эмпиризма...» (с. 254).

Воссоздание полемического дискурса, отражающего процесс формирования польского философского языка и культуры критической мысли, составляет несомненное достоинство данного издания. Книга рекомендуется к прочтению всем интересующимся вопросами философии и региональной истории. Во втором томе серии будет опубликован полный перевод на польский язык работы Ю. М. Гёне-Вроньского «*Philosophie critique découverte par Kant, fondée sur le dernier principe du savoir*»³ (Марсель, 1803).

Н. В. Данилкина,
кандидат философских наук, исследователь, переводчик

---

³ «Критическая философия, открытая Кантом, основанная на последнем принципе познания» (фр.).